

УДК 94

Ликвидация «пятой колонны» в СССР (1937–1938 гг.)

Виктор Деннингхаус

Германский исторический институт в Москве, Россия
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена репрессиям в СССР западных национальных меньшинств в 1937–1938 гг. Они были наиболее тесно связаны со сталинским ощущением надвигавшейся войны, с его шпиономанией и представлениями о „враждебном капиталистическом окружении“. В этой ситуации представители национальных меньшинств Запада идеально подходили на роль „пятой колонны“. Именно сталинские идеи военно-государственного противостояния определили направленность „национальных операций“ 1937–1938 гг. против всех, кто прямо или косвенно был связан с государствами „враждебного окружения“. Поэтому поляки, немцы, финны, эстонцы, латыши и другие представители западных стран стали главными жертвами „национальных“ операций НКВД 1937–1938 гг.

Несмотря на то, что „национальные операции“ были проведены органами НКВД „по линиям“ практически всех стран „враждебного капиталистического окружения“, не столько национальность выступала главным критерием для репрессий, сколько рождение, проживание в этих странах или наличие любого другого вида связей с заграницей. Именно в этой „избирательности“ заключается принципиальное отличие „национальных операций“ 1937–1938 гг. от депортаций 1941–1944 гг., затронувших всех без исключения представителей „нелояльных“ народов. Национальный статус перевесил статус социальный, опровергнув на практике провозглашенный большевиками лозунг пролетарского интернационализма и классовой солидарности

Ключевые слова: пятая колонна; политические репрессии; СССР.

Введение. *„1937 год был необходим. [...] Остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться, – убежденно заявлял секретарь ЦК ВКП(б) и член Политбюро В.М. Молотов. – Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны“* [1]. По мнению ближайшего соратника Сталина, массовые репрессии были не более чем обычной „профилактической чисткой“ советского общества, без определенных границ и точных критериев. Главным было не упустить врагов. Количество безвинных жертв являлось вопросом второстепенным. *„Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны“, – делал свое заключение Молотов* [2]. Неудивительно, что репрессии национальных меньшинств Запада занимают особое место в процессе ликвидации потенциальной „пятой колонны“ в 1937–1938 гг. Они теснее других связаны со сталинским ощущением надвигавшейся войны, с его шпиономанией и представлениями о „враждебном капиталистическом окружении“. Не случайно именно этнические меньшинства, представлявшие нации „буржуазно-фашистских“ государств Запада, – поляки, немцы, финны, эстонцы, латыши и т.д. – стали главными жертвами „национальных“ операций НКВД 1937–1938 гг. [3].

Личные качества „вождя народов“ являлись существенным фактором, предопределившим массовый террор конца 1930-х годов. „Однажды“ поверив в потенциальную возможность использования нацмен Запада „капиталистическим окружением“ в качестве „троянского коня“, Сталин уже более не сомневался в их лояльности режиму, несмотря на десятилетиями провозглашаемый лозунг интернационализма и проведенные „чистки“ первой половины 1930-х годов. Его сомнения только подкреплялись донесениями руководства НКВД, в которых с регулярным постоянством констатировались „активизация“ деятельности западных разведок на территории СССР и подготовка ими „плацдармов“ для будущего вторжения. Так, только в январе–феврале 1937 г. Сталин ознакомился с особо секретными спецсообщениями наркома внутренних дел Н.И. Ежова „О Польской организации войсковой“ (от 16.01.1937), „О латышской 'контрреволюционной'

организации“ (от 21.01.1937), „О 'вредительской' деятельности иностранных разведок в Западно-Сибирском крае“ (от 15.02.1937) [4].

В этом контексте „шпиономаний“ не вызывают особого удивления и рассуждения Сталина о роли „буржуазных стран“, которыми он поделился с участниками февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б). По его словам, враждебные капиталистические государства „окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его“, а главное, что если они друг у друга создают шпионскую сеть, то „в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц“ [5]. Следуя сталинской логике, представители нацменьшинств Запада идеально подходили на роль „пятой колонны“, т.к. разведорганам соответствующих капиталистических государств было несравненно легче работать в „своей“ языковой и культурной среде. Именно сталинские идеи военно-государственного противостояния определили направленность „национальных операций“ 1937–1938 гг. против всех, кто прямо или косвенно был связан с государствами „враждебного окружения“.

В последнее время в литературе можно встретить мнение о том, что вплоть до июля 1937 г. ничто не предвещало подобного размаха репрессий. Как отмечает, к примеру, Габор Риттершпорн, многие шаги правоохранительных органов в 1936 – начале 1937 гг. свидетельствовали о том, что их руководители совершенно не предвидели резкого поворота в сторону ужесточения карательной политики в СССР [6]. Российские исследователи Н. Охотин и А. Рогинский, напротив, видят в действиях Сталина определенный „план мобилизации“ советского общества в предвоенный период, выделяя три его основных блока: 1) „прореживание“ партийно-государственного аппарата, т.е. „новой элиты“; 2) генеральная „чистка“ страны от „бывших врагов“, т.е. „старой элиты“ и уголовников; 3) ликвидация „шпионско-диверсионной базы“ стран „капиталистического окружения“. Если первые два пункта затрагивали все категории населения СССР без исключения, то последний главным образом касался иностранцев и представителей „враждебных“ национальностей [7].

По поводу мотивов и „плановости“ массовых операций НКВД в литературе до сих пор идет широкая дискуссия, в подробности которой здесь нет возможности вдаваться [8]. Бесспорно одно: Сталин не действовал вслепую, он точно знал, чего хотел. Подобное предположение разделял и Н.И. Бухарин, о чем и написал из тюрьмы: „Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает: а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных...“ [9]. Тем не менее, анализируя ход проведения массовых репрессий 1937–1938 гг., все же сложно говорить о тщательно продуманном и последовательно реализуемом Кремлем „плане“. Скорее, говоря о „природе Большого террора“, включая операции по „национальному признаку“, необходимо вести речь о некоем „коллективном творчестве“ – Центра и непосредственных исполнителей на местах [10].

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление „Об антисоветских элементах“, в котором партийным органам поручалось „взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны“ [11]. Уже через неделю члены Политбюро утвердили состав областных и республиканских внесудебных „троек“, а также „лимиты“ бывших кулаков и уголовников, которые должны были быть во внесудебном порядке подвергнуты расстрелу и высылке [12]. 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило приказ № 00447 о проведении так называемой „кулацкой операции“ „по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов“. Параллельно в Кремле велась подготовка и к проведению специальных „этнических операций“, первой из которых стала „немецкая“.

Формально отчет „немецкой операции“ начинается с записки Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 г.: „Всех немцев на наших военных, полувосенных и химических заводах, на электростанциях и стройтельствах, во всех областях всех арестовать...“ [13]. Текст постановления Политбюро Сталин также составил самолично: „Предложить т. Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах [...]. О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК“ [14]. 25 июля 1937 г. Ежов лично подписал и ввел в действие по телеграфу приказ № 00439, которым обязал все местные

органы НКВД в пятидневный срок арестовать всех германских подданных, в том числе и политических эмигрантов, работающих или ранее работавших на военных (оборонных) заводах и железнодорожном транспорте. Не были забыты в приказе и граждане СССР: *„Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов [...] из числа советских граждан [...] немедленно арестовывать, независимо от места их работы...“* [15].

Сталин лично отслеживал проведение операции „по германским подданным“. Уже 6 августа 1937 г. Ежов доложил Сталину о первых „успехах“: *„Всего по СССР арестовано 340 человек германских подданных [...], вскрыто 19 шпионско-диверсионных резидентур“* [16]. К 29 августа число арестованных достигло 472 чел., однако на этом операция по приказу № 00439 практически „выдохлась“. По оценке Н. Охотина и А. Рогинского, общее число граждан Германии, арестованных в СССР за весь период „Большой чистки“, составило около 820 человек.

9 августа 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект главного национального приказа НКВД – „польского“, № 00485, касавшегося ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ [17]. Выделение „национальных операций“ в отдельное направление при возможности проведения репрессий в отношении „националов“ в общем русле приказа № 00447 указывает на то, что Сталин придерживался определенной логики в проведении „большой чистки“. Сам факт подобного „выделения“ представителей потенциальных „участников пятой колонны“ доказывает степень важности этих операций для Кремля. По всей видимости, особый интерес Сталина к „польской операции“ был связан с тем, что после заключения германо-польского соглашения (январь 1934 г.) он был уверен в том, что между этими странами существует некий секретный протокол о военном сотрудничестве, включавший договоренность об их совместных действиях против СССР. Внимание Кремля к „польской“ операции может быть объяснено еще несколькими обстоятельствами: а) именно Польша являлась главной „угрозой мира“ на западной границе СССР; б) многочисленностью польских „перебежчиков“, а следовательно, „потенциальных шпионов и диверсантов“; в) высокой численностью польской диаспоры в стране, из чего делался вывод о том, что и база у польской разведки в СССР должна была быть значительно „шире“, чем у остальных иностранных разведок; г) „засильем“ поляков в промышленности, транспорте, силовых структурах (армии, НКВД), в партийных и советских руководящих органах [18].

В соответствии с приказом № 00485 аресту подлежали шесть основных категорий *„незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР“* [19]: а) не разысканные еще активнейшие члены ПОВ; б) все находящиеся в СССР военнопленные польской армии; в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР [20]; г) политэмигранты и политобмененные из Польши; д) бывшие члены ППС и других польских политических партий; е) наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов. Вместе с „польским“ приказом на места было разослано и специальное „закрытое“ письмо за подписью Ежова *„О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР“*. Немаловажно заметить, что не только приказ, но и текст письма были полностью согласованы со Сталиным [21].

Необходимость одновременного издания этих двух документов была продиктована тем, что вышеуказанный приказ затрагивал не только „польских шпионов и диверсантов“, а фактически всех поляков на территории СССР [22]. Хрущев, оценивая масштабы „польской операции“, заметил следующее: *„Когда [...] развернулась настоящая 'погоня за ведьмами', [...] все поляки были взяты в СССР под подозрение...“* [23]. Еще более точную оценку масштабности приказа № 00485 дал А.О. Постель, сотрудник УНКВД по Московской области: *„Когда нам, начальникам отделений, был зачитан приказ Ежова об аресте абсолютно всех поляков, польских политэмигрантов, бывших военнопленных, членов польской коммунистической партии и др., это вызвало не только удивление, но и целый ряд кулуарных разговоров, которые были прекращены тем, что нам заявили, что этот приказ согласован со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и что нужно поляков громить вовсю“* [24]. По всей видимости, предвидя подобную реакцию на „польский“ приказ, руководство НКВД было вынуждено приложить к нему своеобразную инструкцию – разъяснение.

В результате приказ № 00485 стал „моделью“ для директив НКВД по всем последующим „национальным операциям“ 1937–1938 гг.: немецкой [25], румынской, латышской, финской и т.д. Немаловажно заметить, что „польский приказ“ создавал и принципиально новый в практике НКВД процессуальный порядок осуждения – „альбомный“. В соответствии с ним работники НКВД по окончании следствия составляли специальные справки на каждого арестованного с предложением о приговоре. Эти справки, скомплектованные в специальный список, так называемый „альбом“, подписывались так называемой „двойкой“ – начальником УНКВД и местным прокурором, а затем отправлялись в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел Ежов и прокурор СССР Вышинский. Первоначально на осуществление „польской операции“ отводилось три месяца. Однако этот срок постоянно продлевался (как, впрочем, и сроки проведения остальных спецопераций „по нацконтингентам“): сначала до 10 декабря, затем до 1 января 1938 г., до 15 апреля и, наконец, до 1 августа 1938 г. [26].

Уже в середине сентября 1937 г. Ежов в своем спецсообщении Сталину о ходе проведения „польской операции“ доложил об аресте 23 216 чел., большая часть которых приходилась на Украину (7 651 чел.) [27]. Ознакомившись с данным сообщением, Сталин приписал Ежову на полях его донесения: *„Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР“* [28]. В подобных пометках виден почти профессиональный интерес Сталина к работе НКВД, внимательнейшим образом вникавшего во все подробности следственной и агентурной работы его сотрудников. В целом в результате проведения „польской операции“ были рассмотрены дела на 143 810 чел., из которых было осуждено 139 835 чел., в том числе приговорено к расстрелу – 111 091 чел. (79,44 %) [29].

Что касается „немецкой“ операции, то здесь расширение „категорий“ репрессированных за счет советских граждан и установление „альбомного“ порядка осуждения произошло только осенью 1937 г. Подобную „задержку“ можно объяснить тем, что репрессии против немцев еще до начала „большого террора“ носили гораздо более жесткий и масштабный характер, чем против поляков. Определенную роль сыграл и низкий уровень представительства советских немцев в партийно-государственной сфере, на промышленных предприятиях, транспорте и в армейских частях, что позволяло Центру особенно не торопиться [30]. Можно предположить, что переход от „программы“ арестов „германских подданных“ к массовым репрессиям в отношении немцев – советских граждан ускорила „польская“ операция. Конкретные установки приказа № 00485, а главное – практика его реализации на местах определили основные формы и масштабы репрессий, направленных на все „подозрительные“ национальные группы. Можно согласиться с мнением Н. Охотина и А. Рогинского, что распространение „польского“ приказа на остальные, „слаболояльные“ нацконтингенты, нередко происходило автоматически. В таких случаях Центру оставалось только одно – санкционировать уже сложившуюся практику на местах. Так, по всей видимости, случилось и с „немецкой“ операцией, которая постепенно переросла из локальной („германские граждане“) – в массовую (граждане СССР). Третьего ноября 1937 г. в телеграмме, адресованной республиканским наркомам внутренних дел и начальникам управлений НКВД, Ежов констатировал: *„Проводимые сейчас операции [по] антисоветским элементам – немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины – [в] ряде областей идут крайне медленными темпами [...]. Операция по немцам слабо ведется в Горьковской и Ростовской областях...“* [31].

Несмотря на то, что специального приказа и разъяснений необходимости проведения массовых репрессий в отношении немцев – советских граждан так и не последовало, особой конкретизации задачи и не требовалось. Дело в том, что еще 2 апреля 1937 г. на места было разослано директивное письмо ГУГБ НКВД „О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории Союза ССР“ с приложенной к нему обширной „Ориентировкой о деятельности германских фашистов в СССР“. Не было недостатка в сторонниках усиления репрессий в отношении немецкого населения и среди партийного руководства в советских республиках. К примеру, еще на январском (1937 г.) Пленуме ЦК КП(б)У делегатами обсуждались предложения о необходимости массового выселения немцев из промышленных районов Украины. Так, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У Саркисов, отстаивавший подобную точку зрения, прямо заявил: *„Немцы, которые переплетаются с фашистами, расставили свои сети по большим электростанциям [...]. Я думаю, что мы должны идти смелее по линии высылки*

многих немцев из Донбасса. Они нам не нужны...” [32]. Вопрос о выселении всех немцев из Украины как представителей нацгруппы, „зараженной фашистской идеологией“, поднимался коммунистами и на XIII съезде КП(б)У (май–июнь 1937 г.) [33].

Необходимо отметить, что первые аресты по „немецкой линии“ (как впрочем, и по остальным „линиям“) проводились на основе уже имевшихся в распоряжении НКВД учетных данных о „контрреволюционной деятельности“ (включая участие в эмиграционном движении и получении так называемой „гитлеровской помощи“), картотек политэмигрантов и бывших военнопленных, списков посетителей германских консульств и т.д. По мере исчерпывания „учетных данных“, „картотек“ и „списков“, стали арестовываться и лица „без наличия каких-либо данных о принадлежности к контрреволюционной организации“ из-за „их немецкой национальности или просто по подозрению в принадлежности к немецкой национальности“ [34]. Среди сотрудников НКВД „немецкая линия“ считалась одной из наиболее „перспективных“ по количеству репрессированных граждан [35]. Немцев обвиняли в шпионаже, диверсиях, вредительстве, подготовке террористических актов, создании повстанческих организаций и т.п. Следователи НКВД, ежедневно „стряпавшие“ дела, объединяли их в различные „организации“, „отряды“, „группы“, „резидентуры“, „сети“, руководили которыми, как правило, граждане Германии – „технические специалисты“ или политэмигранты [36]. В 1939 г. на вопрос о технологии фабрикации „национальных дел“ следователи НКВД Украины заявляли следующее: *„Была установка Успенского [с января 1938 г. наркома внутренних дел УССР – В.Д.] о том, чтобы выбить базу у польской и немецкой разведок, [...] надо арестовывать поляков и немцев независимо от того, достаточно ли на них материалов для ареста. На этом основании при составлении справок на аресты поляков и немцев доминирующую роль играла их национальность“* [37].

По данным 1-го спецотдела НКВД СССР, по состоянию на 1 июля 1938 г. по „немецкой линии“ было арестовано 65 339 чел., а общее количество немцев, арестованных с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г., достигло 75 331 чел., из них в ходе операции по приказу № 00447 были подвергнуты аресту 18 469 чел. [38]. Эти цифры в целом не противоречат данным Н. Охотина и А. Рогинского, согласно которым всего было осуждено от 69 до 73 тыс. немцев [39], из них около 53–56 тыс. чел. (76,0 %) были приговорены к высшей мере наказания [40].

Усиление массовых репрессий по признаку национальной принадлежности вовлекало в свой водоворот все большее количество „ненадежных“ этносов. Предыстория „латышской операции“ весьма показательна для понимания механизмов процесса „коллективного творчества“ (Центр – периферия) в период „большой чистки“. В ноябре 1937 г., докладывая Ежову о ходе проводимых в Смоленской области „операциях“, начальник УНКВД А.А. Наседкин поведал наркому о некоем „Латышском националистическом центре“, сведения о котором были им получены в результате допросов арестованных латышей. „Латышский центр“, по его данным, представлял собой весьма „разветвленную“ организацию, имевшую своих „членов“ в латсекции Коминтерна, обществе „Прометей“ и других общесоюзных организациях и объединениях латышей. На вопрос Ежова, сколько человек необходимо арестовать, исходя из имевшихся у него оперативных данных [41], Наседкин назвал цифру – 500. По его словам, такая численность „националов“ Ежова совершенно не удовлетворила и он заявил: *„Чепуха, я согласую с ЦК ВКП(б), арестуйте не менее 1 500 человек“*. Уже через два дня Ежов сообщил Наседкину, что „латышская“ операция никаких возражений в верхах не вызвала, и предложил ему (до официального выхода приказа) арестовать латышей, работавших в НКВД БССР, Латвийском клубе, Латышском национальном театре, а также весь актив латышских культурных организаций и членов секции „Латышских стрелков“ [42]. В результате 30 ноября 1937 г. за подписью Ежова на места была разослана шифротелеграмма № 49990, в которой руководству УНКВД рекомендовалось обратить особое внимание на „очистку“ от латышей предприятий оборонного значения, транспорта, зон особого режима, а также спецсекторов, ведающих в различных учреждениях оборонной, мобилизационной и шифровальной работой [43].

Необходимо подчеркнуть, что в результате проведения „латышской операции“ в СССР было уничтожено значительное количество активных участников революционного подполья и гражданской войны, крупных партийных, советских и военных деятелей. „Обоснованием“ этих репрессий служила негласная установка о том, что латыши, будь они даже заслуженными революционерами, склонны к шпионской работе в пользу „своего“ буржуазного государства. По словам А. Радзивиловского, одного из руководителей НКВД

СССР, Ежов, поясняя процедуру арестов коммунистов – нацмен Запада, заявил следующее: „С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться „альбомным“ порядком. Надо доказать, что латыши, поляки, немцы и др., состоящие в ВКП(б), – шпионы и диверсанты...“ [44]. По данным 1-го спецотдела НКВД СССР, по состоянию на 1 июля 1938 г. по „латышской линии“ всего было арестовано 23 539 чел., среди них количество арестованных латышей составило 21 392 чел., из них только 987 были подвергнуты аресту в ходе операции по приказу № 00447 [45]. Показательно, что к марту 1938 г. в результате репрессий и „чисток“ партийных организаций численность коммунистов – представителей нацмен Запада (за исключением греков) опустилась ниже уровня 1927 г.:

Таблица 1

Общая численность членов и кандидатов в члены ВКП(б) основных групп нацмен Запада (1927 г. и 1938 г.)

Национальность	март, 1938 (абс.)	1927 г. (абс.)
Поляки	10 066	11 158
Латыши	7 215	12 198
Немцы	4 562	5 226
Эстонцы	3 001	3 682
Греки	2 165	1 521
Литовцы	1 800	2 577
Финны	1 402	1 810

Таблица составлена по: РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, д. 316, л. 12.

Анализ „национальных операций“ дает основания для вывода об их сугубой централизации. Вместе с тем это не означает, что в „национальных операциях“, как и вообще в процессе „большой чистки“, не присутствовала известная доля местной „инициативы“. Известны факты, когда Центру оставалось только санкционировать уже начатые на местах ретивыми руководителями НКВД „дополнительные“ репрессии в отношении „националов“. Такой случай, к примеру, произошел с „румынской операцией“, которая самостоятельно началась на Украине в августе 1937 г., а также с финнами, „чистку“ которых органы НКВД Ленинградской области и Карелии начали по собственной инициативе в сентябре – октябре 1937 г. Для обоснования операций против этих национальных контингентов не было издано ни специальных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), ни приказов НКВД СССР. С какого-то определенного момента они просто „включались“ в общие директивы по продлению и активизации „национальных операций“, в указания по отчетности и т.п. [46].

Ярким примером наложения этнического и „институционального“ факторов явились массовые увольнения нацмен Запада, в том числе членов ВКП(б), с предприятий оборонной промышленности весной 1938 г. В соответствии с докладной запиской, подготовленной работниками Отдела руководящих парторганов ЦК ВКП(б), из 37 тыс. коммунистов, представлявших „национальности, не входящие в состав СССР“ (на 5 марта 1938 г.) [47], основная масса (около 80 %) была сосредоточена в 17 парторганизациях областей и республик, „являющихся наиважнейшими как с точки зрения хозяйственной, так и в стратегическом отношении“ [48]. Причем почти половина из них (46,4 %) была задействована в промышленности, на транспорте, в органах связи и строительстве. Немало коммунистов-„националов“ занимало руководящие посты в „стратегических“ Наркоматах и их управлениях. „Как видно из этих данных, – подчеркивалось в вышеуказанной докладной записке, – члены и кандидаты ВКП(б) национальностей, не входящих в СССР, занимают руководящие должности, начиная от руководителей предприятий и кончая центральными учреждениями и организациями. Имеют место не единичные случаи, когда руководство предприятий важнейших отраслей промышленности возглавляют немцы, поляки, латыши...“ [49].

23 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально распорядилось „очистить“ все сферы оборонной промышленности от представителей нацменьшинств Запада. Причем для Кремля было совершенно неважно, в чем конкретно заключалась вина увольняемого и нарушил ли он закон, главным являлась его принадлежность к „неблагонадежной“

национальности. *„Признать ненормальным, – отмечалось в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 марта 1938 г., – что на предприятиях, в главных управлениях и в центральном аппарате Наркомата Оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев. Поручить т.т. Ежову и Маленкову совместно с тов. Кагановичем М. очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей“* [50]. Аналогичный подход четко прослеживается и при проведении „увольнений“ из армии и НКВД летом 1938 г. Так, в директиве наркома обороны К.Е. Ворошилова (№ 200ш, от 24.06.1938 г.), увольнению из армии подлежали все военнослужащие *„национальностей, не входящих в состав Советского Союза“*. По официальным данным, в 1937–1938 гг. из Красной Армии было уволено в общей сложности 35 020 чел. начальствующего состава. Из этого числа „иностранцев“, не внушающих „политического доверия“, оказалось 4 138 чел. (11,8 %) [51], из них латышей – 717, поляков – 1 099, немцев – 620, эстонцев – 312, финнов – 109, греков – 128 и т.д.

Несмотря на первоначальные планы Кремля, операция по приказу № 00447 не была завершена за четыре месяца. 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) „поддержало“ предложение НКВД СССР *„об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента“* [52]. Общая эскалация репрессий в СССР не могла не вызвать их усиления и по признаку „национальной принадлежности“. В этот же день члены Политбюро приняли постановление и в отношении дальнейших „чисток“ среди представителей „ненадежных этносов“: в соответствии с ним срок национальных операций продлевался до 15 апреля 1938 г., кроме того, НКВД было приказано *„погромить кадры болгар и македонцев“* [53]. Первого февраля 1938 г. Ежов разослал по телеграфу во все УНКВД свое распоряжение № 233, официально продлевавшее сроки уже ведущихся „национальных операций“ и открывавшее ряд „новых“ линий (финскую, эстонскую, румынскую, китайскую, болгарскую и македонскую). Здесь же еще раз предписывалось *„подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском гражданстве, применительно категориям, перечисленным [в] моем приказе 00485“* [54]. Таким образом, Ежов задним числом еще раз санкционировал уже давно реализуемую органами НКВД на местах „немецкую операцию“.

Эта директива НКВД, где впервые был перечислен весь „набор“ национальных операций, резко активизировала репрессии в отношении „националов“ по всей стране. Одновременно постепенно сворачивалась операция по приказу № 00447. С весны 1938 г. именно операции по „национальным линиям“ стали основным направлением массовых репрессий в СССР. Приказ „погромить националов“ был понят на местах более чем буквально. Так, к примеру, в Ростове латыши и поляки арестовывались по спискам, составленным на основе данных адресного бюро [55]. По словам председателя „особой“ (милицейской) тройки по Москве и Московской области М.И. Семенова *„во время проведения массовых операций [...] по изъятию поляков, латышей, немцев и др. национальностей, аресты проводились без наличия компрометирующих материалов...“* [56]. Чтобы выполнить ежемесячный „лимит по шпионам-националам“ [57], как отмечал начальник 3-го отделения 3-го отдела УНКВД по Москве и Московской области А.О. Постель, *„арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние, даже беременные, и всех, как шпионов, подводили под расстрел без всяких материалов, только потому, что они – националы...“* [58]. Когда для отчета не хватало арестованных определенной национальности, следователи НКВД, по их собственным признаниям, поступали очень просто: *„Из еврея делали немца, из уроженца г. Москвы – уроженца г. Варшавы...“* [59].

28 мая 1938 г. вышел новый приказ НКВД СССР № 1160 об очередном продлении „национальных операций“ до 1 августа 1938 г. Работа по *„арестам лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской [...] национальностей“* шла с такой интенсивностью, что Центр не успевал оперативно „переваривать“ все поступающие с мест „альбомы“. Летом 1938 г. в столице скопилось „альбомов“ более чем на 100 тыс. человек. Следствием подобной „задержки“ явилась перегруженность тюрем и увеличение расходов на содержание уже фактически обреченных заключенных. 15 сентября 1938 г. состоялось очередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), принявшее решение отменить „альбомный порядок“ осуждения и создать в каждом регионе

для вынесения приговоров по „нацконтингентам“ „особые тройки“, решения которых не требовали утверждения в Москве и приводились в исполнение немедленно [60]. На его основе Ежов издал соответствующий приказ НКВД № 00606 от 17 сентября 1938 г., и все нерассмотренные „альбомы“ были отправлены из Москвы назад, на места. Результаты подобной „рационализации“ не заставили себя долго ждать. За два неполных месяца „особые тройки“ рассмотрели по всем „нацоперациям“ дела почти на 108 тыс. человек, из них – 72 254 (68,79 %) были приговорены к расстрелу [61]. Причем на первом месте по численности среди осужденных „особыми тройками“ оказались поляки (21 258 чел.), а на втором – немцы (17 150 чел.) [62].

„Большая чистка“ закончилась так же, как и началась – по приказу из Москвы. Так, деятельность „особых троек“ была приостановлена решением Политбюро ЦК ВКП(б) 15 ноября 1938 г. [63], а через два дня Политбюро распорядилось вообще прекратить все массовые операции, включая „национальные“ [64]. Последовавший вскоре приказ НКВД № 00762 от 26 ноября 1938 г. за подписью нового наркома Л.П. Берии отменял все оперативные приказы и директивы 1937–1938 гг. [65]. Всего за 15 месяцев, с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г., были арестованы более 1,6 млн чел., из которых около 700 тыс. были расстреляны. Что касается числа осужденных в ходе проведения „национальных операций“, то оно достигло 335 513 чел. [66], из них было приговорено к расстрелу – 247 157 чел. (73,66 %) [67]. Данные эти нельзя назвать далеко исчерпывающими, однако и эти цифры адекватно характеризуют масштабы репрессий среди представителей нацгрупп „враждебного капиталистического окружения“.

Заключение. Итак, именно сталинские идеи военно-государственного противостояния определили направленность „национальных операций“ 1937–1938 гг. против всех, кто прямо или косвенно был связан с государствами „враждебного окружения“. В условиях шпиономании и активной подготовки к предстоящей войне представители нацменьшинств Запада в первую очередь попали в поле зрения Центра как потенциальные „враги режима, шпионы и диверсанты“. „Природа Большого террора“, включая операции по „национальному признаку“, определялась „коллективным творчеством“ центра и исполнителей на местах.

Несмотря на то, что „национальные операции“ были проведены органами НКВД „по линиям“ практически всех стран „враждебного капиталистического окружения“, однако не столько национальность выступала главным критерием для репрессий, сколько рождение, проживание в этих странах или наличие любого другого вида связей с границей. Именно в этой „избирательности“ заключается принципиальное отличие „национальных операций“ 1937–1938 гг. от депортаций 1941–1944 гг., затронувших всех без исключения представителей „нелояльных“ народов.

В „национальных операциях“ 1937–1938 гг. впервые в советской истории поводом для массовых репрессий выступило не столько классовое, социальное или политическое прошлое жертв, сколько так называемая „связь с границей“. Национальный статус перевесил статус социальный, опровергнув на практике провозглашенный большевиками лозунг пролетарского интернационализма и классовой солидарности.

Примечания:

1. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 390–391.
2. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 416.
3. См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против польских граждан. М, 1997. С. 32.
4. См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 41–44; 52–54; 92–94.
5. Там же. С. 97–98. Сравни: Hedeler, W., Savin A.: Die Deutschen in der UdSSR – eine „fünfte Kolonne?“. Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung 42 (2006), Berlin, Heft 2-3. S. 305-324.
6. См. более подробно: Rittersporn, G.: The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930-s. // Stalinist Terror. New Perspectives. Hg. v. Getty J.A., Manning R.T. New York 1993, P. 99–115.

7. Охотин Н., Рогинский А.: Из истории „немецкой операции“ НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 37.
8. Анализ исследовательских контроверз см., к примеру: Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009; Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010.
9. Ein unbekannter Brief Nikolai Bucharins an Josef Stalin vom 10. Dezember 1937. // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (Berlin) 29 (1993), Heft 1, S. 22.
10. Сравни: Хильдермайер М.: Сталинизм и террор // Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма». Киев, 2001. С. 29–32; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 187–215.
11. Лубянка... С. 234–235.
12. Там же. С. 239–240.
13. Цит. по: Охотин, Н., Рогинский А.: Из истории „немецкой операции“. С. 35.
14. Лубянка... С. 250–251.
15. Там же. С. 270–272.
16. Цит по: Охотин Н., Рогинский А. Из истории „немецкой операции“. С. 38.
17. Лубянка... С. 299, 301–303.
18. Сравни: Докладная записка Отдела руководящих парторганов ЦК ВКП(б) о численности коммунистов национальностей, не входящих в состав СССР от 5 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316. Л. 2–10.
19. Бутовский полигон 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 353–354.
20. Н.И. Ежов, выступая в январе 1938 г. перед руководящим составом ГУГБ НКВД, высказал предположение, что число „польских перебежчиков“ составляет более 100 тыс. чел. См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. С. 24–25.
21. Лубянка... С. 303–321.
22. Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. С. 23.
23. Вопросы истории. 1994. № 4. С. 65.
24. Цит. по: Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. С. 23.
25. Специального оперативного приказа НКВД СССР на проведение операции по „немецкой линии“ не существовало. Приказ № 00439 не был непосредственным образом связан с последующей массовой „немецкой“ операцией. В отчетах управлений НКВД, как правило, указывалось, что репрессии в рамках „немецкой“ операции проводились „в порядке приказа № 00485“.
26. Лубянка... С. 538.
27. Там же. С. 352.
28. Там же. С. 359.
29. Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД. С. 33; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. С. 157.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316. Л. 2–10.
31. Цит. по: Примечание № 50 // Лубянка... С. 649. А.И. Савин полагает, что эта телеграмма Ежова может рассматриваться в качестве суррогата специального приказа на проведение „немецкой“ операции. См. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2009. С. 46.
32. Цит. по: Евтух В., Чирко Б.: Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). Київ, 1994. С. 62.
33. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. М., 1998. С. 102.
34. См.: Белковец Л.П. „Большой террор“ в немецких селах Западно-Сибирского края // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 454–455. Сравни: Сопrotивление в ГУЛАГе: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. С.С. Виленский. М., 1992. С. 118–120.
35. Анализ проведения „немецкой“ операции в Западной Сибири см.: Савин А.И.: Меннониты как целевая группа репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Этноконфессия в

- советском государстве. Меннониты Сибири в 1920 – 1930-е годы. Эмиграция и репрессии. С. 45–55.
36. Ченцов В.В.: Трагические судьбы. С. 125–126.
37. Там же. С. 132.
38. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. С. 157, 163. См. также: Savin A. Nationale Operationen des NKVD der UdSSR 1937/1938. // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberungen im Europa des 20. Jahrhunderts. Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhausen, S. Troebst. Wien, Köln, Weimar 2010. S. 462–465.
39. См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории „немецкой операции“ НКВД 1937–1938 гг. С. 71.
40. В общей сложности среди 55 тыс. чел., осужденных в ходе „немецкой“ операции, немцев насчитывалось около 38 тыс. чел. См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории „немецкой операции“ НКВД 1937–1938 гг. С. 71; Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930-х – 1950-х годов // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941. М., 2002, С. 474–475.
41. По данным А.А. Наседкина, на оперативном учете находилось около пяти тыс. латышей, включая детей.
42. См.: Примечание № 86 // Лубянка... С. 662.
43. Там же. См. также: Охотин Н., Рогинский А. „Латышская операция“ 1937–1938 годов // Архивные комментарии. 2000. № 4 (от 30.10.). С. 5.
44. Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 119.
45. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. С. 157, 163.
46. Цит. по: Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 189.
47. Основную массу из них (около 90 %) составляли представители нацмен Запада.
48. Так, к примеру, в Ленинградской области находилось 7 703 коммунистов национальностей, не входящих в состав СССР, в УССР – 7 602, в Московской области – 4 572, в БССР – 1 242 и т.д. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316. Л. 2–3.
49. Там же. Л. 3–4.
50. Лубянка... С. 502.
51. Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 47–49. Согласно сводке Е.А. Щаденко, из 4 138 чел., уволенных по ворошиловской директиве № 200ш, позднее были восстановлены в армии 1 919 чел. (46,4 %). См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.
52. Лубянка... С. 467–468.
53. Там же. С. 468–469.
54. Цит. по: Охотин Н., Рогинский А. Из истории „немецкой операции“ НКВД 1937–1938 гг. С. 52.
55. Кислицын С.А. Сказавшие „нет“. Эпизоды из истории политической борьбы в советском обществе в конце 20-х – первой половине 30-х гг. Ростов н/Д, 1992. С. 62.
56. Цит. по: Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 118.
57. Официально никаких лимитов по „национальным“ операциям, утверждаемых центром, как это было в случае с реализацией операции по приказу № 00 447, не существовало. Речь может идти только о местной инициативе и цифрах, установленных начальниками местных управлений НКВД. Так, по показаниям следователей НКВД Московской области, начиная с 1938 г. им стали ежемесячно даваться „лимиты“ на аресты соответствующих групп „националов“. См.: Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 119–120.
58. Цит. по: Прудникова Е.А. Хрущев. Творцы террора. М. 2007. С. 113; Спецобъект „Бутовский полигон“ (история, документы, воспоминания). URL // <http://archive.martyr.ru/content/view/6/15/> (Дата обращения 10.11.2012 г.).
59. Цит. по: Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 118–119.
60. Лубянка... С. 549-550.
61. Из рассмотренных „особыми тройками“ 108 тыс. дел только 137 чел. было освобождено. Дела 2 711 арестованных были возвращены на доследование или переданы в судебные органы.

62. Охотин Н., Рогинский А. Из истории „немецкой операции“ НКВД 1937–1938 гг. С. 62, 70; Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. С. 37.
63. Лубянка... С. 606.
64. Там же. С. 607–611.
65. Там же. С. 612–615.
66. В это число, как уже указывалось выше, входили не только „националы“, но и представители титульных наций.
67. См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. „Польская операция“ НКВД 1937–1938 гг. С. 32–33. Из арестованных чаще всего расстреливали греков (81 %) и финнов (80 %). См.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 132.

References:

1. Chuev F. Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva. M., 1991. S. 390–391.
2. Chuev F. Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva. M., 1991. S. 416.
3. Sm.: Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. // Repressii protiv pol'skikh grazhdan. M., 1997. S. 32.
4. Sm.: Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937–1938. M., 2004. S. 41–44; 52–54; 92–94.
5. Tam zhe. S. 97–98. Sravni: Hedeler, W., Savin A.: Die Deutschen in der UdSSR – eine „fünfte Kolonne?“. Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung 42 (2006), Berlin, Heft 2-3. S. 305-324.
6. Sm. bolee podrobno: Rittersporn, G.: The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930-s. // Stalinist Terror. New Perspectives. Hg. v. Getty J.A., Manning R.T. New York 1993, P. 99–115.
7. Okhotin N., Roginskii A.: Iz istorii „nemetskoj operatsii“ NKVD 1937–1938 gg. // Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. M., 1999. S. 37.
8. Analiz issledovatel'skikh kontroverz sm., k primeru: Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447 / Sost. M. Yunge, B. Bonvech, R. Binner. M., 2009; Massovye repressii v Altaiskom krae 1937–1938. Prikaz № 00447 / Sost. G.D. Zhdanova, V.N. Razgon, M. Yunge, R. Binner. M., 2010.
9. Ein unbekannter Brief Nikolai Bucharins an Josef Stalin vom 10. Dezember 1937. // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (Berlin) 29 (1993), Heft 1, S. 22.
10. Sravni: Khil'dermaier M.: Stalinizm i terror // Kommunizm, terror, chelovek. Diskussionnye stat'i na temu «Chernoj knigi kommunizma». Kiev, 2001. S. 29–32; Khlevnyuk O.V. Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody. M., 1996. S. 187–215.
11. Lubyanka... S. 234–235.
12. Tam zhe. S. 239–240.
13. Tsit. po: Okhotin, N., Roginskii A.: Iz istorii „nemetskoj operatsii“. S. 35.
14. Lubyanka... S. 250–251.
15. Tam zhe. S. 270–272.
16. Tsit po: Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii „nemetskoj operatsii“. S. 38.
17. Lubyanka... S. 299, 301–303.
18. Sravni: Dokladnaya zapiska Otdela rukovodyashchikh partorganov TsK VKP(b) o chislenosti kommunistov natsional'nostei, ne vkhodyashchikh v sostav SSSR ot 5 marta 1938 g. // RGASPI. F. 17. Op. 7. D. 316. L. 2–10.
19. Butovskii poligon 1937–1938 gg. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. M., 1997. S. 353–354.
20. N.I. Ezhov, vystupaya v yanvare 1938 g. pered rukovodyashchim sostavom GUGB NKVD, vyskazyval predpolozhenie, chto chislo „pol'skikh perebezhchikov“ sostavlyayet bolee 100 tys. chel. Sm.: Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. S. 24–25.
21. Lubyanka... S. 303–321.
22. Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. S. 23.
23. Voprosy istorii. 1994. № 4. S. 65.
24. Tsit. po: Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. S. 23.
25. Spetsial'nogo operativnogo prikaza NKVD SSSR na provedenie operatsii po „nemetskoj linii“ ne sushchestvovalo. Prikaz № 00439 ne byl neposredstvennym obrazom svyazan s posleduyushchei massovoi „nemetskoj“ operatsiei. V otchetakh upravlenii NKVD, kak pravilo, ukazyvalos', chto repressii v ramkakh „nemetskoj“ operatsii provodilis' „v poryadke prikaza № 00485“.
26. Lubyanka... S. 538.
27. Tam zhe. S. 352.

28. Tam zhe. S. 359.
29. Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD. S. 33; Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. T. 5. 1937–1939. Kn. 2. 1938–1939. M., 2006. S. 157.
30. RGASPI. F. 17. Op. 7. D. 316. L. 2–10.
31. Tsit. po: Primechanie № 50 // Lubyanka... S. 649. A.I. Savin polagaet, chto eta telegramma Ezhova mozhet rassmatrivat'sya v kachestve surrogata spetsial'nogo prikaza na provedenie „nemetskoj“ operatsii. Sm. Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920–1930-e gody. Emigratsiya i repressii. Dokumenty i materialy / Sost. A.I. Savin. Novosibirsk, 2009. S. 46.
32. Tsit. po: Evtukh V., Chirko B.: Nimtsy v Ukraini (1920-i – 1990-i roki). Kiiv, 1994. S. 62.
33. Chentsov V.V. Tragicheskie sud'by. Politicheskie repressii protiv nemetskogo naseleniya Ukrainy v 1920-e – 1930-e gody. M., 1998. S. 102.
34. Sm.: Belkovets L.P. „Bol'shoj terror“ v nemetskikh selakh Zapadno-Sibirskogo kraja // Rossijskie nemtsy. Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya. M., 1996. S. 454–455. Sravni: Soprotivlenie v GULAGe: Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty / Sost. S.S. Vilenskii. M., 1992. S. 118–120.
35. Analiz provedeniya „nemetskoj“ operatsii v Zapadnoj Sibiri sm.: Savin A.I.: Mennonity kak tselevaya gruppy repressii kontsa 1920-kh – 1930-kh godov // Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920 – 1930-e gody. Emigratsiya i repressii. S. 45–55.
36. Chentsov V.V.: Tragicheskie sud'by. S. 125–126.
37. Tam zhe. S. 132.
38. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. T. 5. 1937–1939. Kn. 2. S. 157, 163. Sm. takzhe: Savin A. Nationale Operationen des NKVD der UdSSR 1937/1938. // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberungen im Europa des 20. Jahrhunderts. Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhausen, S. Troebst. Wien, Köln, Weimar 2010. S. 462–465.
39. Sm.: Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii „nemetskoj operatsii“ NKVD 1937–1938 gg. S. 71.
40. V obshchej slozhnosti sredi 55 tys. chel., osuzhdennykh v khode „nemetskoj“ operatsii, nemtsev naschityvalos' okolo 38 tys. chel. Sm.: Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii „nemetskoj operatsii“ NKVD 1937–1938 gg. S. 71; Kriger V. Nekotorye aspekty demograficheskogo razvitiya nemetskogo naseleniya 1930-kh – 1950-kh godov // Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie. 1871–1941. M., 2002. S. 474–475.
41. Po dannym A.A. Nasedkina, na operativnom uchete nakhodilos' okolo pyati tys. latyshei, vklyuchaya detei.
42. Sm.: Primechanie № 86 // Lubyanka... S. 662.
43. Tam zhe. Sm. takzhe: Okhotin N., Roginskii A. „Latyshskaya operatsiya“ 1937–1938 godov // Arkhivnye kommentarii. 2000. № 4 (ot 30.10.). S. 5.
44. Soprotivlenie v GULAGe. S. 119.
45. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. T. 5. 1937–1939. Kn. 2. 1938–1939. S. 157, 163.
46. Tsit. po: Takala I. Natsional'nye operatsii OGPU/NKVD v Karelii // V sem'e edinoj. Natsional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-1950-e gody. Petrozavodsk, 1998. S. 189.
47. Osnovnyyu massu iz nikh (okolo 90 %) sostavlyali predstaviteli natsmen Zapada.
48. Tak, k primeru, v Leningradskoj oblasti nakhodilos' 7 703 kommunistov natsional'nostei, ne vkhodyashchikh v sostav SSSR, v USSR – 7 602, v Moskovskoj oblasti – 4 572, v BSSR – 1 242 i t.d. Sm.: RGASPI. F. 17. Op. 7. D. 316. L. 2–3.
49. Tam zhe. L. 3–4.
50. Lubyanka... S. 502.
51. Voenno-istoricheskii arkhiv. 1998. № 3. S. 47–49. Soglasno svodke E.A. Shchadenko, iz 4 138 chel., uvolennykh po voroshilovskoj direktive № 200sh, pozdnee byli vosstanovleny v armii 1 919 chel. (46,4 %). Sm.: Izvestiya TsK KPSS. 1990. № 1. S. 188.
52. Lubyanka... S. 467–468.
53. Tam zhe. S. 468–469.
54. Tsit. po: Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii „nemetskoj operatsii“ NKVD 1937–1938 gg. S. 52.
55. Kislitsyn S.A. Skazavshie „net“. Epizody iz istorii politicheskoi bor'by v sovetskom obshchestve v kontse 20-kh – pervoi polovine 30-kh gg. Rostov n/D, 1992. S. 62.
56. Tsit. po: Soprotivlenie v GULAGe. S. 118.
57. Ofitsial'no nikakikh limitov po „natsional'nym“ operatsiyam, utverzhaemykh tsentrom, kak eto bylo v sluchae s realizatsiej operatsii po prikazu № 00 447, ne sushchestvovalo. Rech' mozhet idti tol'ko o mestnoj initsiative i tsifrah, ustanovlennykh nachal'nikami mestnykh upravlenii NKVD. Tak, po pokazaniyam sledovatelej NKVD Moskovskoj oblasti, nachinaya s 1938 g. im stali ezhemesyachno davat'sya „limity“ na aresty sootvetstvuyushchikh grupp „natsionalov“. Sm.: Soprotivlenie v GULAGe. S. 119–120.

58. Tsit. po: Prudnikova E.A. Khrushchev. Tvortsy terrora. M. 2007. S. 113; Spetsob"ekt „Butovskii poligon“ (istoriya, dokumenty, vospominaniya). URL // <http://archive.martyr.ru/content/view/6/15/> (Data obrashcheniya 10.11.2012 g.).

59. Tsit. po: Soprotivlenie v GULAGE. S. 118–119.

60. Lubyanka... S. 549-550.

61. Iz rassmotrennykh „osobymi troikami“ 108 tys. del tol'ko 137 chel. bylo osvobozhdeno. Dela 2 711 arestovannykh byli vozvrashcheny na dosledovanie ili peredany v sudebnye organy.

62. Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii „nemetskoj operatsii“ NKVD 1937–1938 gg. S. 62, 70; Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. S. 37.

63. Lubyanka... S. 606.

64. Tam zhe. S. 607–611.

65. Tam zhe. S. 612–615.

66. V eto chislo, kak uzhe ukazyvalos' vyshe, vkhodili ne tol'ko „natsionaly“, no i predstaviteli titul'nykh natsii.

67. Sm.: Petrov N.V., Roginskii A.B. „Pol'skaya operatsiya“ NKVD 1937–1938 gg. S. 32–33. Iz arestovannykh chashche vsego rasstrelivali grekov (81 %) i finnov (80 %). Sm.: Kostyrchenko G.V. Tainaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm. M., 2003. S. 132.

UDC 94

Liquidation of “the Fifth Column” in the USSR (1937-1938)

Viktor Denninghaus

German Historical Institute in Moscow, Russia
Doctor of History, Professor

Abstract. The article is focused on the repressions of western ethnic minorities in the USSR in 1937–1938. They were associated with Stalin’s sensation of imminent war, taking into account his spy mania and ideas of “hostile capitalist environment”. Considering this situation, representatives of western national minorities perfectly fitted the role of “the fifth column”. These were Stalin’s ideas of military confrontation that determined the orientation of “national operations” of 1937–1938 against those, who were directly or indirectly related to the states of “hostile environment”. That’s why the Poles, the Germans, the Finns, the Estonians, the Latvians and representatives of other Western countries fell the victims of NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) "national operations" of 1937–1938.

Despite the fact that “national operations” were conducted by NKVD authorities in respect of almost all the countries of “hostile capitalist environment”, ethnic background was not the major criteria for repressions, but birth, residency, as well as the relations with the foreign countries. This “selectivity” is the principal distinction of “national operations” of 1937-1938 from deportations of 1941–1944, affecting all the “disloyal” nations without exception. National status outweighed the social status, having practically disposed slogan of proletarian internationalism and class solidarity, proclaimed by Bolsheviks.

Ключевые слова: the fifth column; political repressions; USSR.